

Исидор Бренсон

**Род. 27 сентября 1854 г., Елгава
(Митава).**

Умер 31 декабря 1928 г., Рига.

**Историк медицины и автор
биографических словарей
«Врачи Курляндии»,
«Врачи Лифляндии»,
«Врачи Эстляндии».**

О студенческих годах в Дерпте (Тарту).

Из воспоминаний Исидора Бренсона.

Мы благодарны Нине Косман за разрешение напечатать этот отрывок.

Пропуски в тексте отмечены так (.....)

Перевод с английского Инны Теплицкой

Студенческие годы

В середине августа 1875 г. я отправился в Дерпт с Лео Герцем, Вильгельмом Крузе и Костей Купфером. Так как мы чувствовали себя почти студентами - мы уже не были школьниками, но еще и не стали студентами университета, на жаргоне того времени мы были гибридами (лат. *Mulus*) - то, конечно, без пива мы обойтись не могли. Исключая Крузе, который уже тогда воздерживался от пива, мы, хоть и не умели ценить его вкуса, тут же повернули в станционный буфет и купили там несколько бутылок, которые принесли в купе.

В Дерпте наши пути разошлись. Они отправились в одно из студенческих братств, а я присоединился к еврейской общине. Жизнь студентов в Дерпте казалась мне очень привлекательной. Все студенты обращались друг к другу на «ты», были членами своеобразного студенческого государства со студенческими судами и судами чести. «Дикие» студенты, не вошедшие в корпорацию, должны были

присоединиться к одной из них. За несоблюдение студенческих законов наказывали, наказывали и тех, кто вел себя недостойно. С «черными списками» время от времени знакомили всех студентов. С «черносписочниками» общение запрещалось, их также нельзя было вызывать на дуэль. Принудительных дуэлей в наше время не было. Противники дуэлей, «моралисты» вообще дуэлей не признавали. Однако отказываться от дуэли считалось непорядочным, особенно среди членов корпораций. Обычными были дуэли на рапирах, за особо серьезные оскорбления проводились дуэли на пистолетах. Польские студенты признавали только дуэли на пистолетах. В мои университетские годы несколько способных молодых студентов стали жертвами этого средневекового обычая. Даже дуэли на рапирах иногда кончались смертью из-за повреждений грудной артерии (*arteria mammaria interna*).

Как курляндец я присоединился к корпорации «Курония», поэтому пользовался и их пивной «Кость» на Компанейской улице. Здесь меня сразу посадили за большой круглый стол, где я наслаждался жизнью. Убедить меня вступить в «Куронию» не составило бы большого труда. Но когда я возвращался в свою одинокую маленькую комнату, мне не с кем было поделиться своими впечатлениями, и эта идея улетучилась. Тем не менее у меня остались прекрасные отношения со многими студентами этой корпорации, например, с незабвенным Адольфом Каттерфельдом, убитым в ноябре 1895 г. во время революции в Ирмлау-Валдхейме, где он работал врачом. Именно он добился для меня стипендии от корпорации перед выпускным экзаменом, что позволило мне тогда выжить.

Мои студенческие годы мало отличались от школьных. Я много занимался сам и давал много частных уроков. Хотя на втором курсе я получал из Митавы две стипендии (250 руб. в год) от мемориальных фондов Вунша и Фридляндера и в то же время не платил за обучение, я еле сводил концы с концами, очевидно, потому, что часть денег отсылал маме и бабушке. Поэтому много времени и энергии мне приходилось тратить на частные уроки. Но все же оставалось время и на общественную жизнь. Приехав в Дерпт, я познакомился с 15 еврейскими студентами, которые дружили и поочередно встречались в домах каждого. Пока я присоединился к этому кружку. Так как вся еврейская жизнь серьезна, усилия этих молодых студентов также направлялись на решение серьезных вопросов. Мы основали начальную школу для детей из бедных семей, и это сильно повлияло на духовную и умственную жизнь евреев Дерпта, уровень жизни которых в это время из-за бедности и невежества был очень низким. Мы, студенты, преподавали в школе бесплатно, директор тоже назначался из студентов. Я был директором в течение нескольких семестров. Средства на содержание школы (арендная плата,

топливо, наглядные пособия и часто даже одежда для детей) мы добывали частично от самообложения налогами, частично от ежегодной субсидии в 100 руб. от почетного куратора школы, избранного нами – адвоката Теодора Вулфиуса, великодушно жертвующего приличные суммы из собственных сбережений. Когда я был директором школы, почетными кураторами кроме Вулфиуса были также профессор Александр Оттинген, автор моральной статистики, и юрист профессор Генрих Мьюлау. Все они были приглашены в школу на выпускные экзамены. Я так хорошо натренировал своих маленьких учениц в библейской истории, что они отвечали без запинки. То же было и по другим предметам. Почетные кураторы были в восторге и не знали, как его выразить. Едва они ушли, как от них, в знак выражения их удовлетворения, привезли огромные суповые миски с горячим шоколадом и самые лучшие торты из ближайшей булочной. Дети были в таком восторге, что я был вынужден разрешить им немного потанцевать, несколько учителей также приняли участие в общем веселье.

Семена, которые мы тогда посеяли и удобрили нашими стараниями, дали хороший урожай. Впоследствии расширенная и лучше финансировавшаяся школа просуществовала до Мировой войны (1914 г.).

Другим нашим благотворительным созданием был Еврейский студенческий фонд взаимопомощи, также финансируемый самообложением налогами. Минимальный студенческий взнос в то время был 50 копеек в месяц. Этот фонд, сильно возросший, существует и сегодня.

В первый год жизни в Дерпте я подружился с Иосифом Гамбургом, который привлек мое внимание своим духом, способностями и блестящей игрой на фортепиано. Через год он, однако, уехал в Берлин, где закончил учебу и начал медицинскую практику. В частых письмах он пытался убедить меня последовать его примеру. Хотя мы жили далеко друг от друга, мы оставались друзьями, и эта дружба продолжалась до его смерти в 1912 г. Мне же достались в наследство дружеские отношения с его женой и тремя дочерьми.

Когда я приехал в Дерпт, я снял комнату с пансионом у университетского дворника Виссора на Петербургской улице. Моя комната больше походила на крысиную нору. Толпы крыс и мышей выскакивали и пищали из всех дыр, и всю ночь на полу моей каморки шли дикие баталии. Так как мне здесь жилось некомфортно, я с радостью согласился перебраться вторым в комнату к моему другу студенту Теодору Лемонису, сыну директора гимназии в Петербурге.

(.....)

Через доктора Исака Фейертага, ставшего позднее всеми уважаемым врачом в Бобруйске, который в это время как раз сдал выпускной экзамен, я познакомился с семьей Юлиуса Хеннингсона, человека со средствами, жившего в большой квартире на Компанейской улице в доме Келера недалеко от Ратушной площади. Его сыну Роберту и племяннику Евгению я начал давать частные уроки за 40 руб. в год (позднее – только 25 руб.) и за бесплатный обед и ужин. Мне было очень трудно, и уроки занимали большую часть моего досуга. Несколько часов в день я тратил на занятия с мальчиками, один из которых учиться не хотел, а второй не имел способностей к учебе. Проводя занятия с мальчиками, я очень скоро сам изучил катехизис лютеранской религии со всеми его вопросами и ответами. С другой стороны, я сблизился с этой семьей, их родственниками и друзьями, и это примирило меня с моей необычайно трудной и изматывающей физической работой. Я с удовольствием общался с женой Юлиуса Амалией, их умная и живая дочь Эльза привлекла не только меня, но и более пожилого учителя гимнастики Пауля Буро.

В доме Келера я жил с Лемониусом на последнем этаже в квартире, состоящей из двух комнат. Передняя, наша рабочая комната была большая с пятью окнами с видом на реку Эмбах, откуда можно было любоваться и городом и загородными землями в направлении Карлова. Лемониус был очень способным в музыке, он мог часами музицировать на рояле, хотя никогда этому не учился. Был приобретен небольшой рояль и наш друг Иосиф Гамбург (о нем я писал выше) был выбран учителем музыки для Лемониуса. Именно наличие большой комнаты и музыкальных возможностей породили странную идею об организации бала, *pidu*. Мы старательно подготовились, разослали приглашения симпатичным горничным и поварам в округе и запаслись достаточным количеством выпивки и закусок. Кавалерами кроме нас двоих были друзья Лемониуса из корпорации «Эстония», врачи Лео Вендрих и Миша (Михаил) Сологуб, юрист Виктор Энманн, историк Александр Энманн, врач Вольдемар Берг, юрист Рихард Рудит, фармацевт Карл Гримм и теолог Макс Лемониус. Танцы были замечательные. Гамбург скакал сколько душе угодно и был очень доволен. Все прошло в рамках приличия. Бал кончился в 3 часа ночи, дамы ушли по домам, а мы остались, чтобы обменяться смешными и остроумными комментариями о чудесном вечере.

В этой квартире мы жили только в течение первого семестра 1876 г., пока хозяину, фармацевту Келеру, она не понадобилась самому. Я решил пожить в одиночестве, чтобы иметь возможность хорошо подготовиться к полугодовому философскому экзамену. Хоть мы с другом и разъехались, но дружить не перестали. Во втором семестре 1876 г. я жил на Рижской

улице у Станционной горы недалеко от семьи Хеннингсонов, которые переехали сюда, чтобы руководить строительством их нового дома на улице Пеплер, позднее принадлежавшего доктору Оттову. В своей квартире я не чувствовал себя комфортно, так как хозяйка готовила еду студентам, и именно здесь у меня украли маленькое золотое колечко, подаренное мне Мартой Хепкер. Несмотря на все это, я успешно сдал экзамены, кроме зоологии, к которому я не подготовился.

Начиная с 4-го семестра, я жил в башне дома Николая на Старой улице у площади Баркляя, где позднее университетский декан Ливен выстроил красивый дом. В этой башне я прожил три семестра в счастливом одиночестве, никто мне не мешал и я подготовился ко второй части экзамена по философии и сдал его в декабре 1877 г. Так как я был обладателем скелета, то многие друзья-студенты приходили для совместных занятий по анатомии. На свой день рождения 15/27 сентября 1876 г. я получил в подарок турецкую ночную рубашку и феску, а также турецкую трубку – все это от мамы и митавских друзей. С шумом и гиком мы все это надели на скелет, а трубку засунули ему в рот. О скелете знали все в округе, потому что он стоял у самого окна и был хорошо виден, а окно часто бывало открытым. Однажды я получил длинное письмо в стихах, которое начиналось так – Оставьте же беднягу в покое, он стоит здесь с утра до ночи у окошка вашей комнатухи, одетый вами с пренебрежением и насмешкой. Из подписи следовало, что его написали дети Евиного царства, и по их просьбе мы отодвинули скелет от окна в глубь комнаты.

Мое спокойное и счастливое одиночество вскоре закончилось. Высоко чтимая мной семья Таубе из Митавы попросила меня принять на жительство в свою комнату их сына Юлиуса, студента-медика, моего прежнего ученика, Моя каморка была слишком тесна для двоих, и я снял другое жилье на Петербургской улице, где мы и поселились вскоре вместе с Юлиусом Таубе, позднее уважаемым московским врачом. Когда мне понадобилось одиночество для подготовки к серьезному экзамену, Таубе перебрался на другую квартиру.

Начались месяцы прекрасной, хотя и изнуряющей работы, сопровождаемые восторженным чувством активного повышения уровня знаний. До сегодняшнего дня я с удовольствием вспоминаю о том счастливом времени, проведенном наедине со своими мыслями в окружении книг. Зима 1880-1881 гг. была длинной и суровой, в январе и феврале морозы достигали -28 градусов по Реамюру, и я выходил из дома только, чтобы поехать в ресторане на Петербургской улице. Мое

материальное положение тогда было особенно тяжелым. Впервые в студенческие годы я жил в долг. Хорошая официантка кормила меня завтраком и скудным ужином за свой счет. Я смог расплатиться с ней только после того, как стал работать врачом в Субате (Subbath). Главной моей заботой были обеды. По договору мне полагалось 10 талонов на обеды за 3 рубля. Когда талоны кончались, я начинал их выпрашивать у друзей-студентов, а в худшем случае занимал их у официантки. Но, несмотря на материальные трудности, я был в хорошей форме и неутомимо работал. Без особых происшествий, не считая провала экзамена по фармакологической химии, который я сдавал Драгендорфу и из-за этого вынужден был задержаться в Дерпте на три недели, я сдал устный экзамен на звание доктора медицины (Rigorosum) и меня попросили представить диссертацию.

Здесь я должен упомянуть о педантичности, существовавшей в то время: *Klausurarbeit*, письменный экзамен, который проводился после того, как собственно экзамен был полностью сдан. Этот экзамен, заключающийся в написании за закрытыми дверями медицинского трактата на латыни, представлял собой пережиток средневековья, когда латынь была языком ученых. В Дорпате диссертации писались на латыни до 1859 года. Последняя диссертация на латыни была написана Карлом Юлиусом Зеперником о *Meletemata de Cataracta*, Dorpat 1859. Первая диссертация на немецком языке была написана в начале 1860 г. жителем Риги Августом Албанусом *Experimentelle Untersuchungen über die Beziehungen des Halsstranges des Sympathikus zur Temperatur des Kaninchenohres* [об опытах по выявлению зависимости между температурами позвоночника и уха кроликов]. Что касается написания трактата, то все происходило точно так же, как на выпускном экзамене по математике в митавской школе, о котором я уже писал. Как только каждый из нас вытянул вопрос, появлялся соответствующий помощник (Leibfuchs), получал название темы через замочную скважину и передавал ее двум заранее намеченным студентам – будущему медику, который составлял текст из учебника, и филологу, переводившему его на латынь. Имя помогавшего мне медика я позабыл, а филолога звали Иозеф Трой. Запертые в классной комнате, мы веселились от души, пока не получали проверенные трактаты обратно тем же путем. Теперь и с письменным экзаменом было покончено.

Учеба моя завершилась, пора было начинать реальную жизнь. Но разве моя жизнь до сих пор не была реальной? Или это была только подготовка к жизни?

Я долго обдумывал эти вопросы и говорил себе – «Куда ты спешишь, Тор¹? Тихо радуйся всему, что с тобой происходит – работе и отдыху, любым занятиям, твоей «подготовке» к жизни - все это и есть жизнь». Эта мысль явилась как откровение, и теперь каждый миг казался мне драгоценным. Такие мысли не противоречили, однако, жизненной суете. В трудные и печальные дни врачебной практики эти мысли, результат моих обдумываний, просто испарялись.

Мое внутреннее «я» сильно изменилось. Верующий, горячо молящийся мальчик, соблюдающий ритуальные обычаи, превратился, не без внутренней борьбы, в независимого студента последних курсов. В старших классах я по субботам своих учебников в школу не носил, я даже по субботам старался ничего не писать. Когда возникала необходимость взять перо в руки, я считал, что сильно согрешил. Позднее я стал сам носить свои учебники, правда, спрятанными сначала под рубашку, но потом, поняв, что я лицемер – в открытую. То же самое произошло со мной с пищевыми продуктами. Когда я у Хепкерсов впервые съел мясное блюдо, меня стошнило. Отдых в субботу был для евреев святым, даже во время войны в этот день они не защищались. Говорили, что римляне последнее наступление на Святой город предприняли в субботний день, потому что предполагали, что сопротивление будет минимальным.

Несколько сотен плохо [так же - трудно] соблюдаемых заповедей и запретов, которыми еврейство отгорожено как непреодолимой изгородью, спасало еврейский народ от вымирания в течение многих веков наиболее беспримерных и жестоких преследований и репрессий, однако, они задержали развитие еврейства, находящегося в оцепенении в течение двух тысячелетий. От этого евреи полностью не оправятся до тех пор, пока не смогут жить добровольно на земле своих предков, своих отцов, без страха ассимиляции. «Я бы хотел видеть евреев свободными людьми на свободной земле».

Для достижения этой грандиозной цели все евреи мира должны работать вместе. Каждый еврей без исключения, на каком бы языке он ни говорил, к какой партии или философии ни принадлежал, должен думать как сионист. Совершенно непостижимо, что еврей может не быть сионистом. Сионистские убеждения совершенно не исключают любви и лояльности к своей родине, где вы родились и воспитывались. Напротив, они с ними тесно связаны. Вот пример, приведенный Бенъямином Дизраэли - граф Беконсфилд, вдохновленный своей горячей любовью к своей родине – Англии – в юности в то же время восхвалял евреев и сионизм. Только с

¹ Норвежский бог грома и молнии

помощью сионизма разобщенное еврейство может выздороветь и проснуться для новой жизни. Важно только, чтобы сионизм не выродился в шовинизм.

Хотя я и был занят учебой и преподаванием, я не отошел от общества и удовольствий студенческой жизни. С одной стороны, я поддерживал дружескую связь с еврейскими студентами, объединенный с ними общими интересами и усилиями по созданию благотворительного студенческого фонда, с другой стороны, некоторые друзья Лемониуса стали и моими друзьями. Кроме названных выше, это были и Георгий Шнеринг, теперь в Ревеле, и Евгений Лоев, ставший учителем в Александровской гимназии и Екатерининской школе в Петербурге, и Виктор Энманн – позднее председатель Варшавского коммерческого суда, умерший 15 сентября 1910 г., и его брат – историк Александр Энманн, и ставший помощником библиотекаря в Петербургской Академии наук Иоганн Саломон. Его мы очень любили, он был всеми уважаем из-за отличной игры на рояле. Он был частым гостем в доме куратора Сабурова. Когда он играл, он забывал обо всем, что его окружало, а когда переставал играть, то как бы просыпался. Благодаря ему я действительно хорошо знаю творчество Шумана.

Мне приходилось осторожно обращаться с алкоголем т.к. мой желудок и голова бурно реагировали на большие дозы. Но однажды на дне рождения Саломона я действительно перебрал. В результате следующим утром я проснулся в своей кровати, не имея ни малейшего понятия, как я в ней оказался. Это Лемониус втащил меня по лестнице и уложил спать. Мы не долго радовались дружбе с Саломоном. В начале Русско-турецкой войны он отправился в военный госпиталь, где заразился тифом. Он успел вернуться домой и умер 17 сентября 1877 г. Все его друзья глубоко скорбели и попрощались с ним. Я до сих пор помню ночь накануне его похорон, которую я провел, стоя у его гроба и его рыдающую мать в соседней комнате.

Моя социальная жизнь ограничивалась общением с семьей, родственниками и друзьями Хеннингсонов. Я участвовал во всех их праздниках. Но больше всего я любил проводить время в одиночестве в своей комнате, читая интересную книгу. Кроме медицинской литературы, я читал книги об истории евреев и Балтики, и брошюры о наиболее важных современных проблемах. В то время светское население Западной Европы выступало против использования животных в медицинских экспериментах, и это бурно обсуждалось в печати. Волны этой борьбы докатились и до Балтийских стран, где главный пастор Риги Люткенс и барон Людингсхаузен из Митавы усердно клеймили экспериментаторов

за то, что они бесцельно мучают животных. В ответ на эти атаки с тремя открытыми письмами выступил Александр Шмидт, наш заслуженный профессор физиологии. Эти письма взорвали общество как бомбы. Саркастически, называя вещи своими именами, он логично и убедительно обосновал важность опытов с животными, как для медицины, так и для человечества. Я читал это с горящими глазами и пылающими щеками – эти письма прекратили все атаки против научной медицины. Также книга «Ливонский ответ» Карла Ширрена, вынудившая его под покровом ночи срочно бежать из Дерпта. Каждое слово в этой книге как палкой било по нападкам Юрия Самарина. Те, кто были знакомы с темпераментом Ширрена и стилем его письма, могут себе представить, какое впечатление его «изменническая» запретная книга произвела на молодежь. Я интересовался также политикой и видел происходящие в ней большие изменения. К концу 70-х гг. родился новый консерватизм, который задержал развитие либеральной мысли на несколько десятилетий.

В то время я жил в одной комнате с упоминавшимся ранее Юлиусом Таубе, хорошо воспитанным, приятным и симпатичным студентом. Дома он был человеком тихим и обращенным в себя, оживал он только в компании. В целом прилежный и твердый, он один раз в месяц «отрывался». Когда он получал из дома деньги, предназначенные на месячную жизнь, он уходил и не возвращался до следующего утра и затем целый месяц нищенствовал.

Я уже упоминал о своих взаимоотношениях со студентами. Кроме малого круга моих друзей – немецких и еврейских студентов, я поддерживал отношения со студенческой общиной. Время от времени я присутствовал на заседаниях студенческого суда, восхищался мудростью красноречием председателя и членов суда. С судом чести я также не имел дела. Корпорация *Fraternitas Rigensis* считалась антисемитской. Закон запрещал евреям носить цвета *Rigensis*. Врач Леон Бернштейн из Кишинева даже принял христианство, чтобы иметь право носить цвета орпорации. Единственной корпорацией, в которой евреям разрешалось носить цвета цвета, была «Курония». В мои студенческие годы Курон был сыном митавского сапожника Александра Сандера, очень уважаемого, но рано умершего в июне 1878 г. от тифа в Дунайском театре войны.

Когда я окончил университет, Юлиус Клейн из Митавы вступил в студенческое братство. В то время поляков не очень любили и боялись из-за их дуэлей на пистолетах. Общался с ними всего один еврейский студент Борис Ссольц из Ковно (позднее – врач в Георгенбурге в Литве). Я же

имел близкий контакт только с поляком Вильгельмом Межовским, позднее протестантским проповедником в Бирзене.

Потом я снова жил в одной комнате с русским Григорием Поповым, довольно близким мне по духу сыном священника из Вятки. Студентом религиозной семинарии Попов приехал в Петербург изучать медицину. Во время случайной встречи с неким студентом оба они были арестованы по подозрению в революционной деятельности и отправлены в Петропавловскую крепость. После двухлетнего заключения Попову разрешили продолжить медицинское образование только в Дерпте, который тогда считался оплотом лояльности к императору. Немецкий язык он выучил в тюрьме по научной книге - физиологическим письмам Карла Вогта. Учеба нас объединяла, наша дружба основывалась на глубоком взаимном уважении. Он был способнейшей личностью, очень много работал, обладал необычными для студента медицинскими знаниями, так что экзаменующий его профессор патологии Артур Бетчер заподозрил, что перед ним известный Петербургский физиолог Попов. Мой друг стал звездой русской науки, но умер, работая ассистентом в Ольденбургской больнице в Петербурге в декабре 1883 г. от дифтерии, заразившись от больного ребенка в процессе научного эксперимента.

Конечно, мы наслаждались в Дерпте пением. Члены братств страстно пели не студенческие, а «дикие» песни. Они звучат в моих ушах много лет спустя. Высокохудожественным был эстонский квартет. Он состоял из героического тенора Эрнста Хершелмана (врач в Петербурге и затем в Везенберге), ревельского врача Артура Бетге, Вильяма Фрея (умер молодым) и инспектора гимназии святой Анны в Петербурге – Адольфа Бергмана.

Мои отношения с профессорами были хорошими, но из-за своей сдержанности с большинством из них я не сблизился.

(.....)

Нельзя забыть концерты в университетской аудитории, которые я посещал, когда мог. Я никогда не пропускал репетиций любительского оркестра, состоявшего главным образом из профессоров и нескольких профессиональных музыкантов.

Доставляло удовольствие смотреть, как профессора обращались со своими музыкальными инструментами.